

- ⁵⁰ Dubrul E.L., Reed C.A. Skeletal evidence of speech? // *AJPA*. 1960. V. 18. P. 153–156; Vallois H.V. Langage articulé et squelette // *Homo*. 1962. V. 18. P. 114–121.
- ⁵¹ Lieberman P., Crelin E.S., Klatt D.H. Phonetic ability and related anatomy of the newborn, adult human, Neanderthal man and the chimpanzee // *American Anthropologist*. 1972. V. 74. P. 287–307; *idem*. Functional tongues and Neanderthal vocal tract reconstruction // *AJPA*. 1994. V. 95. P. 443–452.
- ⁵² Обзор: Schepartz L.A. Language and modern human origins // *YPA*. 1993. V. 36. P. 91–126; См. также: Houghton P. Neanderthal supralaryngeal vocal tract // *AJPA*. 1993. V. 90. P. 139–146.
- ⁵³ Laitman J.T., Reidenberg J.S., Gannon P.J. Fossil skulls and hominid vocal tracts: New approaches to charting the evolution of human speech // *Language Origin...* P. 395–407.
- ⁵⁴ Arensburg B., Schepartz L.A., Tillier A.H., Vandermeersch B., Rak Y. A reappraisal of the anatomical basis for speech in Middle Paleolithic hominids // *AJPA*. 1990. V. 83. P. 137–146.
- ⁵⁵ Schepartz L.A. *Op. cit.*
- ⁵⁶ Wind J. Speech origin: A review // *Language Origin...* P. 21–37.
- ⁵⁷ Clark J.D. African and Asian perspectives on the origins of modern humans // *PTRSL*. 1992. Ser. B. V. 337. P. 201–215.
- ⁵⁸ Hill A., Ward S., Deino A., Curtis G., Drake R. Earliest Homo // *Nature*. 1992. V. 355. P. 719–722.
- ⁵⁹ Wood B. Origin and evolution of the genus *Homo* // *Nature*. 1992. V. 355. P. 783–790.
- ⁶⁰ Кочеткова В.И. Указ. раб.; Якимов В.П. Указ. раб.
- ⁶¹ Goren-Inbar N. A figurine from the Acheulean site of Berekhat Ram // *Hitakufat Haeven*. 1986. V. 19. P. 7–12 (цит. по: Schepartz L.A. *Op. cit.*).
- ⁶² Pelcin A. A geological explanation for the Berekhat Ram figurine // *CA*. 1994. V. 35. P. 674–675.
- ⁶³ Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга (археологический возраст памятника) и проблема внутротропической прародины человечества. Якутск, 1988.
- ⁶⁴ Григорьев Г.П. Заселение человеком Азии // *Ранняя история народов Восточной Азии*. М., 1977. С. 47–61; Clark J.D. *Op. cit.*
- ⁶⁵ Pope G.G. Bamboo and human evolution // *Natural History*. 1989. № 10. P. 49–56.
- ⁶⁶ Schepartz L.A. *Op. cit.*; Chazan M. The language hypothesis for the Middle-to-Upper Paleolithic transition // *CA*. 1995. V. 36. P. 749–768.

A.G. Kozintsev. The Human-Animal Boundary: Biological Aspect

New data bearing on the biological distinctions between Man and animals are discussed with special reference to the ape-human boundary. Given the recent findings related to ape intelligence, tool use and capacity for symbolic communication, the emergence of specifically human qualities should be dated back neither to the Middle-Upper Paleolithic transition nor even to the boundary separating archaic and modern *Homo sapiens*, but to the early stages of the Genus *Homo*.

© 1997 г., ЭО, № 4

М.Л. Бутовская

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ У ДЕТЕЙ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ И СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА – ДИАЛОГ ИЛИ НОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?*

Длительное время в социальных науках преобладало представление о том, что гендерные различия в поведении – это исключительно результат социокультурного научения. Методологические и концептуальные парадигмы, принятые в гуманитарных науках, мешали исследователям объективно оценивать накопившиеся факты, однозначно свидетельствующие об определенной универсальной направленности

* Статья написана при поддержке фондов «культурная инициатива» и Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 96-01-00032.

гендерных стереотипов в подавляющем большинстве культур. Мешали этому и предубеждения против кооперации с представителями естественнонаучных дисциплин. Однако в настоящее время все большее число социологов, культурных антропологов, философов, политологов и экономистов осознают необходимость интеграции гуманитарных и биологических знаний для понимания сущности человеческой культуры, прежде всего основного дихотомического деления общества на представителей мужского и женского пола¹.

Главной причиной для несогласованности в действиях биологов и гуманитариев, работающих в области изучения поведения, послужило существенное недоразумение, в результате которого в среде гуманитариев прочно утвердилось представление о том, что биологи склонны рассматривать все поведение (включая и социальное) как генетически детерминированное, инстинктивное, врожденное. Тем не менее представители наук о поведении (этологи, психологи) всегда подчеркивали и подчеркивают в своих работах, что считают абсолютно неприемлемым подразделять поведение (не только человека, но и высших животных) на врожденное – инстинктивное и приобретенное – полученное путем научения. Развитие индивидуального поведения – это постоянное взаимодействие между генетическими характеристиками организма и средой². Каждый организм имеет врожденные ограничения в научении определенным формам поведения, однако границы нормы реализации признаков очень широки и во многом зависят от реальных условий окружающей среды³.

I. Социокультурная модель и реальность

В большинстве исследований гендерные стереотипы рассматриваются как производные полоролевой специализации, прежде всего связанной с разделением труда. Однако, как будет показано ниже, несмотря на тесную взаимосвязь, сущностные стороны половых ролей и гендерных стереотипов различны. Половые роли являют собой культурные предписания к выбору подходящей модели поведения для мужчин и женщин (например, в процессе социализации дети усваивают, что мальчики не могут носить платья). Половые стереотипы же представляют собой обобщенные представления о поведении (приемлемом или неприемлемом), характерном для данного пола. Ведущую роль в концепции гендерных стереотипов играют понятия маскулинности и фемининности, базирующиеся в существенной мере на биологических возможностях индивида. Исследования последних лет показывают, что с маскулинностью связываются такие качества, как авторитарность, атлетичность, агрессивность, доминантность, желание конкурировать, самоуверенность и решительность, склонность к риску, а с фемининностью – готовность к сочувствию, разговорчивость, романтизм, готовность подчиняться, коллективизм, дружелюбие, застенчивость⁴.

Долгое время при обсуждении вопросов о процессах формирования гендерных стереотипов социокультурная модель считалась единственно приемлемой. Она рассматривала личность как результат социализации в направлении освоения конкретных социальных ролей, а социокультурные факторы – как создающие необходимые и достаточные условия для обучения соответствующим половым ролям и усвоения приемлемого гендерного самосознания. Считалось очевидным, что основную роль в такой дифференциации играет распределение социальных ролей мужчин и женщин в пределах конкретной культуры, связанное с типом занятости. А ведущие различия проходили по фактору предпочтительной специализации в работе по хозяйству⁵.

Общественное восприятие гендерных различий как личностных качеств также находит свое отражение в гендерных стереотипах. После выхода в свет обзорной работы Маккоби и Жаклин⁶ в литературе прочно укрепилось мнение о ничтожности исходных различий между мужчиной и женщиной. Это повысило популярность социокультурной модели. Казалось бы, все стало до предела ясным: культурное разнообразие и социальные изменения должны приводить к возникновению существенных различий и изменений в проявлениях гендерных признаков в разных культурах и в различные исторические эпохи.

Отчего же в реальной жизни гипотеза постоянно буксовала? Единственный пример существенных культурных вариаций в гендерных стереотипах (и что еще важнее – факты реверсии некоторых мужских и женских качеств) мы находим в работе Маргарет Мид о папуасах Новой Гвинеи, к настоящему времени практически полностью опровергнутой другими исследователями⁷. Напротив, накапливается все больше доказательств универсальности гендерных стереотипов⁸. Анализ эпохальных тенденций в восприятии гендерных стереотипов в американском обществе, к примеру, свидетельствует, что, невзирая на значительные изменения половых ролей, которые произошли в последние десятилетия, восприятие степени психологических различий между мужчинами и женщинами осталось неизменным, не снизилась и самооценка личностных различий, связанных с полом⁹. Указанные работы заставляют усомниться в исчерпываемости социокультурной трактовки причин возникновения гендерных различий, равно как и в том, что с переходом женщины-домохозяйки в статус деловой произойдет нивелировка гендерных стереотипов. Стереотипы – это ни в коей мере не преувеличение, направленное на оправдание предрассудков и дискриминации женщин или разделения труда между мужчиной и женщиной, а в первую очередь отражение реальных различий в свойствах личности.

II. Биология пола и процессы социализации

Попытаемся понять фундаментальные причины возникновения гендерных различий и факторы, определяющие их развитие. Итак, в настоящее время накопилось значительное количество фактов, указывающих на существенную роль наследственной информации в формировании поведения и психики человека. Применение изотопных методов в области нейрофизиологии позволило продемонстрировать достоверные различия в процессах функционирования головного мозга у женщин и мужчин. Различия эти начинают проявляться с первых дней жизни ребенка и определенным образом влияют на усвоение получаемой информации. Было показано, что соотношение серого вещества к белому у женщин выше по сравнению с мужчинами, процессы обмена информацией между полушариями у женщин идут более интенсивно¹⁰. Мужчинам свойственна преимущественная левополушарность вербального мышления и правополушарная специализация пространственного мышления, тогда как для женщин типично одновременное участие полушарий в этих процессах¹¹.

Существенную роль в формировании гендерных различий играют пренатальные гормоны¹². Этим обстоятельством объясняются неудачные попытки привить половую идентичность, противоположную действительному генетическому и гормональному статусу ребенка. В литературе описан реальный факт, когда мальчик утратил пенис в возрасте 7 месяцев в результате трагического случая. После этого в возрасте 1,5 лет ему была проведена оперативная коррекция, а в дальнейшем хирургическим путем вшита вагина. Всю последующую жизнь он постоянно принимал эстрогены (женские половые гормоны) и с самого раннего возраста воспитывался в женской половой идентичности. Тем не менее наблюдатели отмечают, что в детстве ребенок вел себя как андрогенизированная девочка (то есть как девочка с мужским типом поведения) (андрогены – мужские половые гормоны), а став взрослым, он имел большие сложности с признанием себя в женской половой роли¹³. Известно также, что воздействие значительных доз андрогенов на женский эмбрион приводит к формированию мужских половых признаков, а небольшие дозы андрогенов вызывают отчетливую маскулинизацию поведения, при которой генетические и фенотипические девочки демонстрируют явное предпочтение атлетическим играм и большую часть времени играют с мальчиками. Интерес к играм в дочке-матери или с куклами у таких девочек заметно понижен.

Генетическая предрасположенность в комплексе с постнатальными гормональными характеристиками также может, по всей видимости, кардинальным образом воздействовать на процесс выбора стереотипов социального поведения¹⁴. Яркий пример,

подтверждающий такую точку зрения, приводится в книге И. Эйбла-Эйбесфельта¹⁵. Исследователями описана мутация среди жителей трех деревень Доминиканской Республики: у генетических мужчин в момент эмбрионального развития не происходит секреции дигидротестостерона – гормона, обеспечивающего развитие наружных мужских половых органов. В результате ребенок рождается фенотипической девочкой и, следовательно, взрослые начинают воспитывать его в женской идентичности. В пубертатный период у таких фенотипических девочек начинают расти наружные мужские половые органы, их поведение отчетливо маскулинизируется, а половые влечения направляются на индивидов женского пола (все это происходит на фоне их исходной ориентации на женские стереотипы поведения, так как родители, со всей очевидностью, не предполагали, что имеют дело с генетическими мужчинами). Маскулинизация происходит под действием мужского полового гормона – тестостерона, который продуцируется железами внутренней секреции на этом этапе созревания (происходит это потому, что указанная мутация затронула лишь процессы синтеза пренатального гормона – дигидротестостерона).

III. Этология как источник сведений о врожденных различиях в поведении мальчиков и девочек

Ребенок от рождения обладает целым набором поведенческих программ, которые могут рассматриваться в качестве филогенетических адаптаций¹⁶. Изменение поведения в онтогенезе происходит в определенной последовательности, отражающей фазы развития организма. Этот процесс осуществляется при взаимодействии двух факторов – видоспецифической программы созревания и реализации способности индивидуального научения. Родители с первых дней жизни ребенка могут по-разному относиться к детям противоположного пола, однако причиной тому не только представления самих взрослых о будущей половой роли ребенка, но и врожденные половые различия, демонстрируемые младенцами: новорожденные девочки ведут себя спокойнее, чем мальчики, чаще спонтанно улыбаются с закрытыми глазами, а в более позднем возрасте чаще направленно улыбаются по сравнению с мальчиками¹⁷. Начиная с трехлетнего возраста мальчики становятся физически более активными, чем девочки.

Ожидания родителей относительно личности ребенка в будущем хотя и оказывают влияние на его поведение, но во многом исходят и из различий в реакциях мальчиков и девочек при общении. Исследования поведения детей 4-летнего возраста, проведенные в Кембридже, выявили 5 характеристик, достоверно различающихся у мальчиков и девочек¹⁸. Девочки чаще отвечали матери и дружелюбно реагировали на общение с нею, мальчики были более агрессивны по отношению к младшим братьям и сестрам, а при общении со сверстниками сверх того чаще пытались контролировать ситуацию¹⁹.

Этологические исследования показывают, что в возрасте 2–3 лет ребенок осознает свою половую идентичность, а в 2,5 года начинает правильно оценивать пол окружающих²⁰. К 4 годам ребенок способен объединять себя по принципу половой принадлежности (мы – мальчики, мы – девочки). В это же время к детям приходит понимание, что они всегда были и останутся либо мальчиком, либо девочкой. Концепция же гендерных различий начинает проявляться в социальной жизни и социальном опыте детей только после 4 лет. В качестве базовых факторов половых различий выступают одежда, длина волос и поведение. Лишь начиная с 6,5 лет дети постепенно осознают, что фундаментальные различия между полами связаны в первую очередь с разным строением генитальных органов. Полоролевые стереотипы постепенно усиливаются до 8,5 лет²¹. У дошкольников прослеживается тесная связь между осознанием гендерной стабильности и формированием полоролевых стереотипов, но наиболее значимой переменной для развития стереотипных представлений является не возраст детей, а личностное восприятие пола. Следует понимать, что условные границы, разделяющие детей на мальчиков и девочек, не являются простой имитацией взрослой модели, принятой в данном обществе, а, скорее, отражают реальные половые различия на этом этапе онтогенеза.

В процессе игр дети сами создают конкретные ограничения для гендерных ролей в силу личностных свойств характера: более активным, деятельным и физически сильным мальчикам нравятся игры с элементами борьбы, с большими двигательными нагрузками, а девочкам, имеющим более грацильное строение и меньшую общую активность, нравятся игры, не требующие значительных перемещений в пространстве, зато тренирующие ловкость, гибкость, грациозность, координацию движений. Осознание личной половой принадлежности оказывает влияние на установление дружеских связей²².

Одним из решающих моментов выбора друзей является стремление найти интересного товарища по играм. Опрошенные нами мальчики в возрасте 6–9 лет, учащиеся одной из московских школ, школы поселка Плеханово Тульской области и национальной прогимназии г. Элисты всегда подчеркивали это обстоятельство. Одна из девочек-калмычек пояснила, что играть с девочками интереснее, потому что «они умеют в биточки играть, в резинки, в скакалку, а мальчики не умеют». Вторая добавила, что «девочки тихие, сидят рисуют, а мальчики, играя, всегда бегают и дерутся». Отвечая на тот же вопрос, мальчик из этой школы сказал, что «игры девочек неинтересные – им бы скакать, да и все», играть с ними плохо: «Упадут – и сразу плачут, в "войнушки" и борьбу играть не любят».

Большинство этологических исследований показывает, что среди дошкольников мальчики всегда более агрессивны, чем девочки²³. Эти различия достоверно проявляются уже в возрасте 2–2,5 лет²⁴. При этом мальчики (как в традиционной, так и в постиндустриальной культуре) чаще применяют физическую агрессию по сравнению с вербальной и много чаще бывают вовлечены в грубые игры с элементами агрессии²⁵. Финскими исследователями показано, что девочки по сравнению с мальчиками ведут себя более дружелюбно по отношению к сверстникам и реже вступают в конфликты и драки²⁶. Даже в тех культурах, где мальчики с раннего возраста воспитываются более строго, чем девочки, и их часто наказывают за проявления агрессии, у них в течение всей жизни сохраняется более высокий уровень агрессивности. Этологические материалы, полученные независимо несколькими исследователями, позволяют снять возражение сторонников исклчительно культурной природы половых поведенческих различий, ссылавшихся на недоказанность более высокой агрессивности у мальчиков до шестилетнего возраста²⁷.

Было также показано, что половые различия в агрессивности могут быть тесно связаны с общим уровнем активности ребенка (следовательно, его темперамент имеет значительный врожденный компонент), различиями в уровне социальной активности и потребности в физической близости с другими детьми²⁸. Наблюдения за реальными взаимодействиями между детьми и их способностями устанавливать социальные контакты, фиксация всех случаев агрессии в группе детей возрастом от 3,8 до 6 лет позволили заключить, что: 1) мальчики ведут себя даже в столь раннем возрасте более агрессивно, чем девочки, и их агрессия чаще направлена на партнеров своего же пола; 2) мальчики склонны чаще демонстрировать агрессию по отношению к сверстникам, а девочки – к детям более старшего возраста; 3) мальчики постоянно конкурируют друг с другом посредством игровой агрессии, а также в форме открытой борьбы за привлекательный объект или пространство.

Нами совместно с А.Г. Козинцевым были собраны данные по 56 признакам, взятым на основе 17 основных поведенческих показателей социального поведения в группе 6–7-летних московских школьников (13 девочек и 9 мальчиков). Анализируемые параметры включали частоту контактной и неконтактной агрессии, продемонстрированной и полученной, количество объектов агрессии и число нападавших детей, частоту и направленность командования, грубой игры, избеганий, демонстраций, дружелюбного поведения, количество взглядов, направленных на ребенка, частоту направленного и взаимного смеха, количество партнеров по совместному смеху, число детей, на которых исследуемый ребенок направлял улыбку и число улыбававшихся ему партнеров. Получены достоверные половые различия по параметрам агрессивного

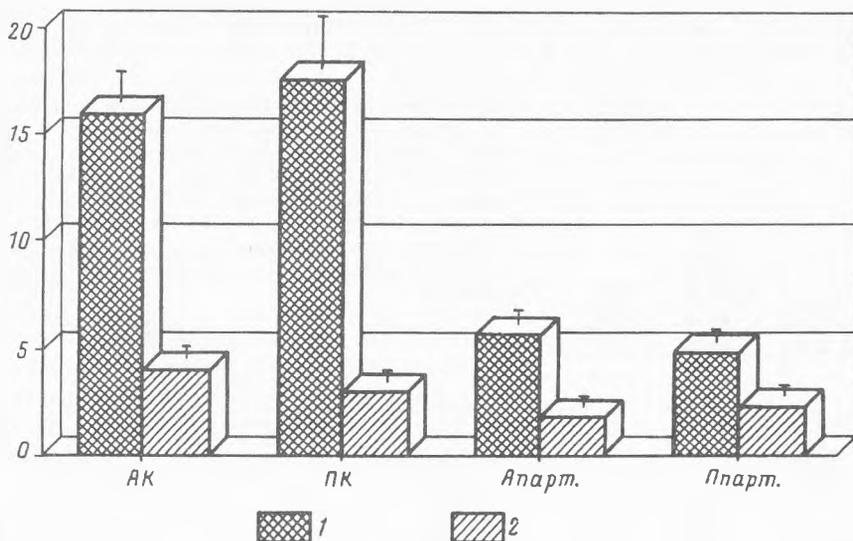

Рис. 1. Средняя частота грубой игры в группе московских школьников 6-7-летнего возраста. АК – игра, инициируемая фокальным ребенком (то есть тем, за которым ведутся наблюдения). ПК – игра, направленная на фокального ребенка. Апарт – количество партнеров, направляющих игру на фокального ребенка. Ппарт – количество партнеров, на которых фокальный ребенок направляет свою игру. 1 – количество мальчиков по отношению ко всем остальным детям; 2 – количество девочек по отношению ко всем остальным детям

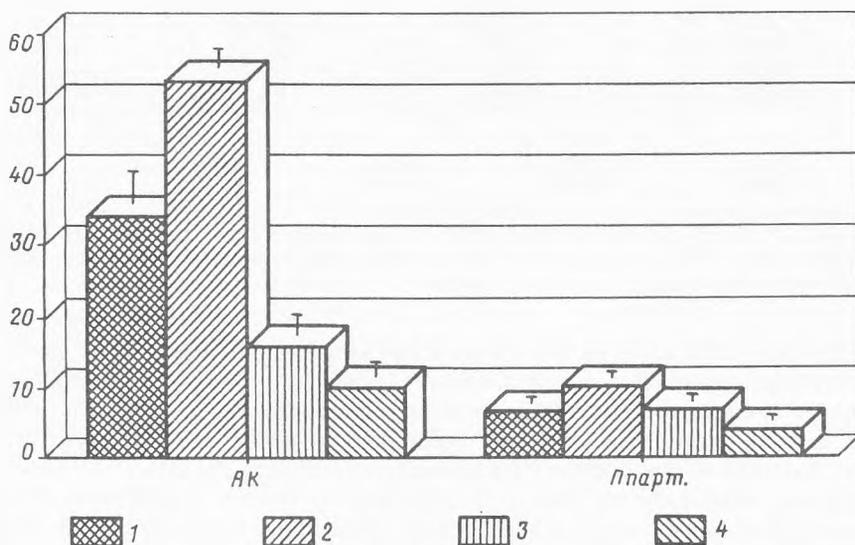

Рис. 2. Средняя частота дружественных контактов в группе московских школьников 6-7-летнего возраста. АК – контакты, инициируемые фокальным ребенком. Ппарт – количество партнеров, на которых фокальный ребенок направляет свое поведение. 1 – мальчики направляют действие на мальчиков; 2 – девочки направляют действие на девочек; 3 – мальчики направляют действие на девочек; 4 – девочки направляют действие на мальчиков

поведения, грубой игры, дружелюбных взаимодействий, оказанию помощи, частоте совместного и направленного смеха (рис. 1-4). В дальнейшем эти материалы были проанализированы методом главных компонент. Первая главная компонента (27,9% изменчивости) отражала социальный статус детей и не выявила различий между мальчиками и девочками. Вторая (15,6%) и третья (9,2%), напротив, показали, что

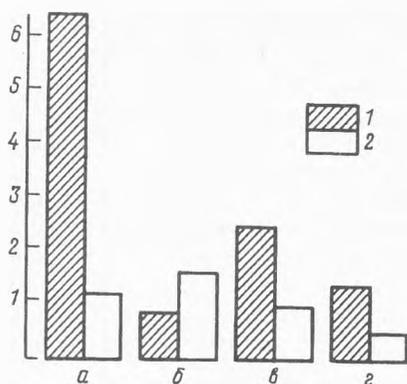

Рис. 3. Соотношение агрессии и оказания помощи в группе московских школьников 6-7-летнего возраста (дано в пересчете на взаимодействующую пару: 15 наблюдений по 5 минут на каждого ребенка из данной группы.) 1 – контактная агрессия. 2 – помощь. а – мальчики направляют действие на мальчиков; б – девочки направляют действие на девочек; в – мальчики направляют действие на девочек; г – девочки направляют действие на мальчиков

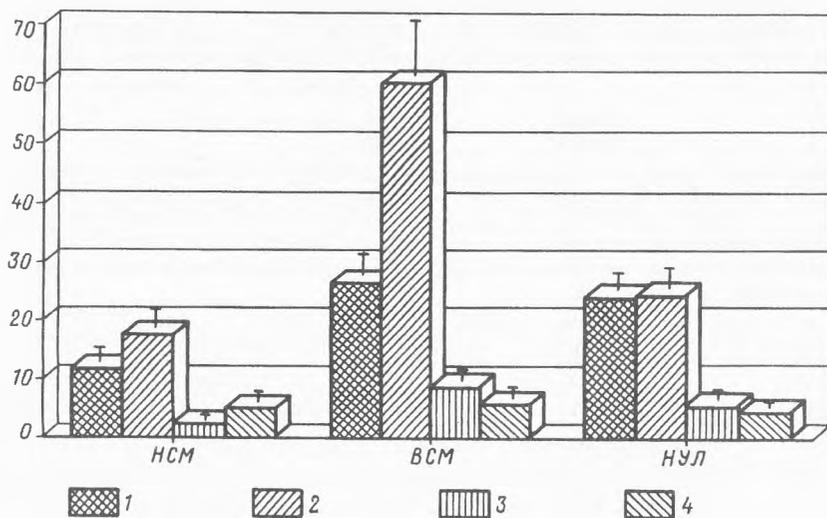

Рис. 4. Средняя частота смеха и улыбки в группе московских школьников 6-7-летнего возраста. НСМ – направленный смех. ВСМ – совместный смех. НУЛ – направленная улыбка. 1 – мальчики направляют действие на мальчиков; 2 – девочки направляют действие на девочек; 3 – мальчики направляют действие на девочек; 4 – девочки направляют действие на мальчиков

дети абсолютно четко подразделяются по всему комплексу признаков на две группы, соответствующие половой принадлежности²⁹. Поведение девочек характеризовалось меньшей агрессивностью, большим количеством демонстраций, связанных с попыткой привлечь внимание других (смотрите, какое у меня новое платье, кукла, книжка, прическа), большей потребностью к эмоциональному сопереживанию (как отмечалось выше, девочки чаще смеются вместе), большей склонностью к избеганиям (уклоняются от конфликтных ситуаций и т.п.), концентрацией внимания на других, меньшим количеством полученной агрессии. Таким образом, половые различия затрагивают весь поведенческий комплекс и в конечном счете приводят к формированию разных социальных стратегий у мужчин и женщин.

IV. Психологические аспекты гендерных различий

Предпочтение в играх партнеров своего пола – универсальная черта детской культуры. Хотя на игровой площадке дети имеют возможность играть в смешанных группах, они отчетливо тяготеют к представителям своего пола. Подобная ориентация отмечалась в традиционных обществах, у английских детей и в наших исследованиях по русским. Наблюдения за играми у бушменов !Ко показали, что из 126 игровых

группировок 47,6% приходилось на мальчиковые, 36,1% состояли из одних девочек и только 14,3% были смешанными³⁰. Мальчики были отчетливо более ориентированы на экспериментальные игры, на игры, связанные с отработкой элементов охоты, с борьбой, преследованием. В играх девочек-бушменок ведущее место занимала игра в танец с дыней, связанная с сохранением социальной гармонии в коллективе играющих и способствующая отработке правил всеобщей терпимости и коллективизма.

Независимо от возраста, дети всегда обнаруживают хорошее знание стереотипов, связанных с собственным полом. Но девочки в целом имеют лучшее представление о мужской роли и маскулинных стереотипах, нежели мальчики о женской роли и фемининных стереотипах. На усвоение половой роли в современном индустриальном обществе определенное влияние может оказывать фактор занятости матери. У детей, имеющих матерей-домохозяек, представления о половых ролях и полоролевых стереотипах были развиты более отчетливо³¹.

Факторы возраста и общих размеров игрового коллектива имеют разное значение в жизни мальчиков и девочек. Так, по наблюдениям Дж. Левера, мальчики предпочитают играть в массовые соревновательные игры в группах, организованных по принципу сходства возраста, а девочки – в более интимные игры, в которых роли попеременно меняются³². Для девочек типичны меньшие размеры игровой группы и смешанный возрастной состав ее. В наших наблюдениях за русскими и калмыцкими детьми 6–9-летнего возраста также преобладали однополые игровые группировки. Но в отличие от наблюдений Левера мальчики из этих групп достаточно регулярно присоединялись к играм девочек. Московские мальчики присоединялись к играм девочек в краски, колечко, магазин или салочки; элистинские с удовольствием играли с девочками в резинки и прыгалки.

Девочки проявляют исключительный интерес к играм с отработкой материнской роли, имитируя ее игрой в куклы или заботясь о младших братьях и сестрах. Игра в дочки-матери описана во всех культурах, будь то эгалитарные или иерархические жесткие, доиндустриальные или индустриальные. В традиционных обществах девочки начинают заботиться о младших в очень раннем возрасте: носят, целуют, утешают младенца и постоянно с ним играют, а мальчики лишь изредка нянчат младших и делают это менее продолжительное время³³. У яномами девочки начинают демонстрировать игру в материнское поведение уже с двухлетнего возраста.

Социальный отбор в этом случае действует в направлении фиксации конкретных фенотипических проявлений материнского стереотипа, представляющих одну из генеральных моделей женского поведения. Благодаря процессам, подобным импринтингу (запечатлению) у животных, эти модели прочно усваиваются на ранних этапах онтогенеза. В силу их первостепенной важности для выживания вида предрасположенность к освоению таких стереотипов могла закрепиться генетически в процессе эволюции человека³⁴.

Мальчики ведут себя более самостоятельно и независимо от родителей, чем девочки; это проявляется в разных культурах, даже совсем несхожих³⁵. По наблюдениям финских психологов, девочки-дошкольницы обращают больше внимания на взрослых и меньше на сверстников³⁶. Эта особенность отчетливо проявлялась и в наших наблюдениях: во всех классах девочки в свободное время пытались инициировать контакты со взрослыми: обращались к ним с вопросами, звали на помощь, пытались подойти и взять за руку, обнять. Многие девочки старались постоянно держать в поле зрения старших. Существенной причиной таких различий может быть большая пугливость, свойственная девочкам (они же больше боятся незнакомцев). Это качество, по всей видимости, может содержать существенный врожденный компонент³⁷.

Принципиальные половые различия отмечаются и по фактору общей исследовательской активности. В поведении мальчиков отчетливо прослеживается мотивация к знакомству с новыми для них предметами, техникой, к обследованию окружающей среды, потребность в новизне и экспериментаторстве. Наши исследования 6–9-летних

детей показали, что игры мальчиков чаще ориентированы на значительные перемещения в пространстве и построены по командному принципу (игры в поиски сокровищ, в войну, футбол). Мальчики предпочитают играть большими по размеру конкурирующими группировками. Их приятельские отношения формируются вокруг общих интересов, и эти последние позволяют ощутить единство с большими группами сверстников (мы – футболисты, хоккеисты, каратисты, мы – ученики 1-Б класса, они – все другие дети). Для поведения мальчиков характерен большой конформизм в коллективе и ориентация на взаимную поддержку («Мы все свои в этом классе») против общих внешних врагов («Это ашки, мы с ними воюем»). Девочки играют слаженнее и дружелюбнее – по двое-трое. Выбор партнеров по игре определяется в первую очередь личностными симпатиями и привязанностями.

Почему при изменяющейся структуре современной семьи, в которой изменяются и родительские роли, несмотря на выраженное отсутствие различий в выборе профессий и в общественном положении представителей обоих полов, дети продолжают жестко следовать стереотипам гендерных ролей? К. Геншел и Дж. Макгире полагают, что это происходит потому, что гендерные стереотипы сохраняются в глубинах подсознания и люди инстинктивно продолжают обращаться к ним, хотя реальное распределение ролей мужчины и женщины в обществе стало иным³⁸. Другое возможное объяснение: культура детей посредством передачи от ребенка к ребенку действует в качестве мощной консервативной силы при формировании детского сознания и определения себя и других³⁹. К сожалению, в большинстве специальных работ факторы, связанные с биологией пола, в расчет не принимались.

Анализ данных о поведении и воспитании детей, постепенной смене культурных ориентаций и социальной занятости среди женщин в кибуццах (Израиль) показал, что все попытки ликвидировать разделение труда по половому признаку, равно как и разрушить нуклеарную семью в условиях коммуны, потерпели крах⁴⁰. Хотя мальчики и девочки в кибуццах воспитывались на принципах полного равенства полов, выбор ими игр на детской площадке существенно различался. Мальчики предпочитали игры маскулинно-физической ориентации, девочки – вербальные и фантазийные⁴¹. У девочек была выявлена отчетливая потребность в отработке материнской роли, что нельзя было объяснить воспитанием и поощрением со стороны взрослых. Если бы речь шла о простом усвоении гендерных ролей, принятых в данном обществе, то следовало бы ожидать, что девочки будут идентифицировать себя с окружающими женщинами, однако этого не происходило. Мальчики, рожденные и воспитывающиеся в кибуццах, в возрасте 2–6 лет демонстрировали отчетливо более высокий уровень агрессии. В результате этих исследований авторы вынуждены были признать существование определенных врожденных, связанных с полом поведенческих предрасположенностей, проявление которых не может полностью контролироваться потребностями культуры; различия в уровне агрессивности и общей двигательной активности имеют под собой биологическую основу.

V. Пространственное поведение и пол

Работами по изучению пространственного поведения человека было установлено, что мужчины и женщины предпочитают соблюдать в среднем неодинаковую индивидуальную дистанцию при общении, и у мужчин она оказалась больше⁴². С раннего возраста мальчики и девочки различаются по своей ориентации на центр группы. Так, анализ пространственного поведения детей 5-летнего возраста в одном из садиков Новосибирского академгородка показал, что положение мальчиков по отношению к центру группы однозначно связано с их социальным статусом, тогда как для девочек такая зависимость отсутствует⁴³. В наших исследованиях 5-летних детей мальчики стремятся занять центральное положение в ядре группы, а их связи с другим членами группы множественны и разнообразны (равным образом в социальном образовании, возникшем в нашей стране в рамках молодежной субкультуры, которую именуют

«системой», практически лишь мужчины формируют ядро группы⁴⁴). Девочки же, в силу большей концентрации на нескольких конкретных связях, не могут поддерживать контакты с большим числом детей⁴⁵. Во взрослом возрасте такая концентрированность часто сосредотачивается на мужчине. Не случайно в «системе» женщины занимают периферийные позиции, и женщину «...удерживает в группе одна конкретная связь – со "своим" мужчиной»⁴⁶. Сходно с тем, как по нашим наблюдениям активные девочки с маскулинными чертами поведения вызывают отрицательное отношение у мальчиков и оцениваются ими как непривлекательные, женщины, старающиеся вести себя по-мужски (имеющие ориентацию на лидерство, активно демонстрирующие принадлежность к группе с помощью символики, бесформенной и нарочито небрежной одежды), вызывают неприязнь у «системы».

VI. Онтогенез, архетипы поведения и социокультурная парадигма

Исследования детства способствуют пониманию природы гендерных различий⁴⁷. Во многих культурах среди детей младшего школьного возраста широко распространены игры, в которых мальчики преследуют и ловят девочек. Такие игры присутствовали и во всех исследованных нами группах. В московской школе «полицейские» (мальчики) пленяли и сводили в закрытое помещение-«тюрьму» «бандитов» (девочек). В элистинской прогимназии «собаки» (мальчики) преследовали и загоняли добычу (девочек). Девочкам явно нравилось убежать. Для мальчиков, организовавших погоню, игра становилась тем привлекательнее, чем сложнее было поймать девочек и чем больше они сопротивлялись при поимке. Аналогичные игры-преследования описаны А. Джеймс у английских школьников, полагавшей, что это происходит потому, что девочки бегают медленнее мальчиков и мальчики легко могут их поймать. Объясняя причины, по которым мальчики гонятся за девочками, 6–7-летние московские и элистинские школьники указывали на большую физическую силу мальчиков, на их желание командовать, но при этом признавали, что девочки могут бегать быстрее мальчиков. Представляется вероятным, что в таких играх просматриваются некоторые архетипы обрядов, связанных с умыканием женщин, широко практиковавшихся во многих обществах. Таким образом обрабатываются и стереотипные представления о том, что женщины (и девочки соответственно) являются слабым и пассивным полом, а мужчины – сильным и активным.

В наблюдениях за русскими и калмыцкими школьниками было установлено, что мальчики и девочки могут меняться ролями. В каждом из изученных классов находилось несколько маскулинизированных в своем поведении девочек, предпочитающих принимать сторону мальчиков, и несколько более слабых мальчиков, выступающих на стороне девочек. Мы наблюдали случаи, когда происходила отчетливая инверсия половых ролей в этой игре. Аналогично тому, что происходило в периоды оргиастических праздников и карнавалов, девочки бросались преследовать мальчиков, а поймав, начинали их яростно щекотать, щипать и тянуть в разные стороны.

Ведущей чертой концепции маскулинности у мальчиков 6–7 лет (особенно четко это проявилось у калмыцких детей) было подчеркнутое внимание к силе, телесным доказательством которой выступали развитые мышцы; социальным подтверждением силы являлось утверждение и признание окружающих, что, мол, данный мальчик хорошо дерется, занимается борьбой. Обращает на себя внимание тот факт, что и в русской, и в английской культуре мальчики, которые жестоко дрались, были вовсе не популярны среди сверстников, тогда как среди калмыцких школьников это поведение, скорее, вызывало уважение.

Сопоставляя наши данные с данными А. Джеймс, следует сказать, что во всех случаях дети делали отчетливые эмоциональные различия между престижным понятием самого мальчика и осуждающей характеристикой школьного забияки (хулигана). В наших исследованиях самые популярные мальчики, лидеры

группы, заслужили свою популярность не столько физическим путем, сколько социальным. Они умело использовали физическую силу, владели хорошо развитой речью, выступали инициаторами новых игр (придумывали много интересного), умели организовывать других, в случае необходимости контролировали драки и ссоры в группы, их авторитет признавался окружающими. Мальчики же, практиковавшие преимущественно агрессивную стратегию, вызывали неприязнь и становились аутсайдерами.

На первый взгляд может показаться, что стереотипы маскулинности, которыми оперируют мальчики в играх, имеют мало общего с их будущими ролями и не дают им уверенности в дальнейшей жизни, тогда как игры девочек закладывают хороший фундамент для отработки будущего поведения посредством экспериментирования с различными стереотипами фемининности. Но это не совсем так. Более четко выраженная соревновательность и иерархичность отношений, несомненно, может рассматриваться как отработка принципиальных путей достижения высокого социального статуса и успешной карьеры во взрослой жизни вне зависимости от области приложения. Навыки командования другими, демонстрации своего превосходства и умение контролировать ситуацию несомненно будут играть положительную роль в достижении социального успеха будущего мужчины. Столь же большую роль играет освоение навыков компанейских приятельских отношений в больших коллективах, объединенных временной общей целью. Мальчики, таким образом, не осваивают конкретные роли, а, скорее, отработывают стратегии, с помощью которых легче добиться социального успеха независимо от профессионального выбора.

В наблюдениях за английскими школьниками 6–9 лет А. Джеймс отмечает практически полное отсутствие дружеских отношений между мальчиками и девочками; единственный случай такой дружбы рассматривался сверстниками как странность⁴⁸. Из 77 детей 6–7-летнего возраста, исследованных нами в Москве и Тульской области, 18 открыто указывали на дружбу с детьми противоположного пола из своего класса. 5 пар детей активно общались вне школы, но в классе их отношения носили индифферентный, а подчас и просто враждебный характер. Из 39 калмыцких школьников того же возраста лишь 2 мальчика и 1 девочка открыто сообщали, что дружат с детьми противоположного пола. В реальности же – гораздо большее число детей (по крайней мере 8 мальчиков и 8 девочек) дружило с одноклассниками противоположного пола. Дружба детей и подростков-сверстников противоположного пола вне школы более распространенное явление в западной культуре. Напротив, в арабских странах (например, по нашим наблюдениям, в Египте) дети до 12 лет могут общаться со сверстниками противоположного пола лишь в школе, и то до 12 лет, в дальнейшем обучение становится раздельным. Дома общение ограничено преимущественно детьми-родственниками, весьма многочисленными и различными по возрасту.

Наблюдения за 6–7-летними русскими и калмыцкими детьми показали, что некоторые девочки пытались включиться в мальчишеские игры. В ряде случаев им это удавалось, если кто-нибудь из мальчиков заступался, говоря, что он с нею дружит, или мальчик-лидер просто давал ей разрешение. Характерно, однако, что в большинстве случаев это не были девочки с мальчишеским типом поведения. Эта категория менее успешно инкорпорировалась в дружеские связи с девочками и была менее заинтересована традиционными для своего пола играми, хотя в целом их стиль поведения был явственно женственным. Девочки-сорванцы воспринимались мальчиками скорее с подозрением и неприязнью, нежели с пониманием. В одном из исследованных нами классов такая девочка имела серьезные трудности в общении именно с мальчиками.

Отчетливое сохранение гендерных различий в детской культуре в ряде случаев является серьезной проблемой для социальных психологов, к примеру в тех странах, где во взрослом обществе сильны и популярны движения за равенство полов (в эту категорию попадают многие страны Западной Европы – Швеция, Голландия, Дания, отчасти Германия и Англия, США, бывший СССР). Несмотря на то, что процесс

передачи детской культуры в условиях крупного промышленного города затруднен, процессы формирования социального поведения, связанные с осознанием собственной половой идентичности, идут в том же направлении и интенсифицируются приблизительно в том же возрасте, что и у детей из доиндустриальных культур. Если признать справедливым тезис этологов о наличии особых чувствительных фаз развития, во время которых происходит интенсивное освоение конкретной порции поведенческой информации, то такая универсальность перестанет выглядеть загадочной.

Если личностные гендерные характеристики являются следствием усвояемых социальных ролей и культурных традиций, то резонно предположить, что изменения половых ролей и отношения к ним повлекут за собой изменения в личностных характеристиках, связанных с половой принадлежностью, равно как и к изменениям в общественном сознании, выраженным в форме полоролевых стереотипов. К величайшему удивлению многих исследователей, как раз такой зависимости не наблюдается⁴⁹. В современном индустриальном обществе происходят значительные изменения в отношении к половым ролям. Это особенно отчетливо заметно по результатам опроса общественного мнения – следует ли замужней женщине работать или она должна ограничиваться ведением домашнего хозяйства. Если в 1930-е годы лишь 1/5 американцев высказывалась в пользу деловой женщины и только 27% мужчин не возражали против того, чтобы президентом стала женщина, то в начале 1990-х годов возможность работы для замужней женщины одобрялась подавляющим числом респондентов, а 90% опрошенных заявило о своей готовности голосовать за квалифицированную женщину-президента⁵⁰. Несмотря на отчетливые процессы общественной эмансипации, в современном западном обществе происходит также усиление гендерных различий и повышение акцента на личностные свойства, связанные с половой принадлежностью. Американские студенты в 1990-х годах придерживаются мнения о значительном различии между мужчинами и женщинами. Студенты начала 1970-х находили эти различия не столь сильными. В современном обществе, вне всяких сомнений, происходит интенсификация процессов воспроизводства половых стереотипов, что со всей очевидностью противоречит социокультурной парадигме.

VII. Эволюционное прошлое человека – ключ к пониманию гендерной дифференциации?

Почему формирование гендерных стереотипов происходит в сходном направлении в подавляющем большинстве человеческих обществ? Почему мужчины более самоуверены и настойчивы по сравнению с женщинами? Почему сексуальная ревность считается более типичной чертой мужского поведения? Почему именно мужчины любят активные групповые и соревновательные игры (футбол, борьбу, каратэ) и охоту?

Теории естественного и полового отбора остаются пока единственными, способными связать воедино характеристики человеческой анатомии, физиологии и поведения, единственными теориями, дающими объяснение универсальности гендерных моделей поведения⁵¹. Наличие ряда фундаментальных общих закономерностей в выборе стратегий мужского и женского поведения и универсальность фундаментальных гендерных стереотипов во времени и пространстве заставляют обратить более пристальное внимание на филогенетические связи человека с остальным животным миром, на особенности его эволюции и на поиск моделей, альтернативных социокультурной, которые могут объяснить возникновение этих феноменов в онтогенезе человека.

Остановимся подробнее на чертах сходства и различия в общем характере проявления полоспецифических различий поведения у человека и других высших приматов (таблица).

Проявление полоспецифических различий поведения у человека и других высших приматов

	Человек	Антропоиды
Различия в поведении на стадии детского и подросткового возраста		
1.	Большая независимость мальчиков от взрослых по сравнению с девочками	Большая независимость детенышей-самцов от самки-матери
2.	Большая пугливость девочек и повышенный интерес к исследованию среды у мальчиков	Самцы-подростки проявляют больший интерес к незнакомым объектам
3.	Мальчики более агрессивны, чем девочки	Самцы-подростки более агрессивны, чем самки
4.	Мальчики более подвижны, чем девочки	Самцы-подростки больше перемещаются в пространстве, чем самки
5.	Ориентация на самоутверждение и демонстрации у мальчиков	Конкуренция за центральное положение среди сверстников у самцов-подростков
6.	Ведущий принцип социального поведения мальчиков – соревновательность и доминирование, девочек – интимные предпочтения и привязанности	Самцы ориентированы на занятие и сохранение высокого статуса, самки-подростки – на родственные и дружественные связи
7.	Враждебность мальчиков-подростков к чужакам, защита территории; девочки не проявляют такой враждебности к незнакомцам	Самцы-подростки устраивают активные демонстрации на границах участка, защищая территорию; самки-подростки редко находятся на границах участка
8.	Игра в дочки-матери и нянченье младших – типичное поведение девочек	Самки-подростки чаще нянчат младших, чем самцы
9.	Предпочтение детей своего пола в играх	Предпочтение подростков своего пола в играх

Различия поведенческих стратегий у взрослых

1.	Мужчины – конкуренция за репродуктивных партнеров, женщины – за материальные ресурсы для обеспечения потомства	Самцы – поиск репродуктивных партнеров, самки – поиск пищевых ресурсов
2.	Мужчины – охота, женщины – собирательство	Самцы – охота, самки – собирательство
3.	Мужчины – участие в межгрупповых агрессивных столкновениях	Самцы – рейды на чужие территории, межгрупповая агрессия
4.	Мужчины – участие в политике и высшие политические посты	Доминирование самцов над самками, самцы – лидеры социальных объединений
5.	Большая индивидуальная дистанция при общении между мужчинами по сравнению с женщинами	Большая индивидуальная дистанция при общении между самцами

Исследования в области приматологии указывают на поразительное сходство хода и направленности процессов формирования стереотипов поведения у представителей мужского и женского пола у человека и высших приматов, на значительное сходство этологических механизмов, лежащих в основе такой поведенческой дифференциации⁵². По данным японских приматологов, детеныши-самцы ведут себя более самостоятельно, чем самки, и взаимодействуют с матерями значительно реже. С 2-летнего возраста самцы предпочитают более тесные отношения со сверстниками своего пола, проводя с ними время в играх. Последнее означает, что предпочтения к особям своего пола у самцов возникает до формирования ими подростковых «банд» на окраине группы. Самки-детеныши общаются предпочтительно с самками различного возраста и с детенышами⁵³. Отработка социальных ролей самца и самки начинается у антропоидов очень рано. Как показано в таблице 1, различия в поведении мальчиков (самцов), с одной стороны, и девочек (самок) – с другой – охватывают самые разные сферы жизни (реакция на новизну, ориентация на взрослых, общий уровень активности, характер перемещения в пространстве, агрессивность, реакция на чужаков, защита территории и т.п.).

Особо хотелось бы подчеркнуть кардинальное различие между полами, проходящее по фактору кооперативность/доминантность⁵⁴. В целом для женщин характерно поведение, строящееся на принципах социальной отзывчивости, дружелюбия, внимания к интересам других, а для мужчины – ориентация на доминирование, контроль над другими и личную независимость. Направления различий проявляются и в реальной жизни, и в экспериментальных ситуациях. Характерно, что женщины готовы жертвовать конечным успехом в предложенной конкурентной игре ради личных симпатий, тогда как мужчины своей основной целью ставят выигрыш любой ценой⁵⁵. Сходная с человеком специфика формирования социальных связей обнаружена и у других приматов независимо от того, какой из полов покидает родительскую группу по достижению половой зрелости. У шимпанзе, группы которых патрилокальны по своей структуре, отмечается исключительная гибкость в формировании альянсов и коалиций между самцами вне однозначной связи с их личными предпочтениями или родственными отношениями, тогда как самки во всех случаях ведут себя адекватно своим привязанностям (даже в ущерб личным интересам)⁵⁶. Аналогичные результаты получены нами для одного из видов макаков (макаки бурые), матрилокальных по структуре групп⁵⁷. В обобщенном виде можно представить стратегии самцов и самок следующим образом: ориентация на достижения более высокого статуса любой ценой, даже в ущерб дружественным связям, и вертикальное структурирование мира связей у самцов; ориентация на тесные интимные и постоянные связи, базирующиеся на родственных отношениях и принципах взаимоподдержки с большим упором на горизонтальное структурирование связей у самок.

Стремление к повышению социального статуса и сохранению его является более важным фактором в поведении мужчин по сравнению с женщинами. Уже К. Лоренц заметил, что двигательные и позные демонстрации являются типично самцовым поведением⁵⁸. Самцы многих видов тратят массу энергии на привлечение к себе внимания особей женского пола. При встрече с противником самцы стараются выглядеть более крупными – привстают на задние ноги, вздыбливают шерсть, увеличивают объем грудной клетки, раскачиваются из стороны в сторону, делают резкие выпады в сторону конкурента, производят шумовые демонстрации (бьют себя руками в грудь или издают громкие крики). Аналогично в присутствии женщин мужчины начинают демонстративно поддевать друг друга, стараются выглядеть крупнее и значимее, выпячивают грудь и выдвигают вперед нижнюю челюсть, увеличивают шаг и ускоряют движение, угрожают сопернику, производят максимум шума, носясь на ревущих мотоциклах и лихо управляя автомобилями. Подчеркнем, что увеличение размеров тела и демонстрации угрозы в бипедальном положении – типично самцовое поведение у приматов и практически не встречается у самок тех же видов⁵⁹.

У млекопитающих в целом репродуктивный успех самцов выше потенциального репродуктивного успеха самок. Это связано с тем, что самцы способны оставить существенно большее количество потомков по сравнению с самками в силу своих физиологических особенностей: меньшие размеры сперматозоидов и их многократно большее продуцирование по сравнению с яйцеклетками, у самок меньшее теоретически возможное количество произведенных на свет детенышей, связанное с тем, что они долгое время затрачивают на вынашивание плода и выкармливание новорожденных, наличие у них менопаузы⁶⁰. Родительский вклад самца в каждого детеныша (энергетические и временные затраты) значительно меньший по сравнению с вкладом самки.

В силу этих физиологических различий между полами различаются и факторы, по которым происходит наиболее интенсивная конкуренция между особями одного пола. Самцы чаще прямо (агрессивные столкновения, определяющие доминанта, демонстрации) или опосредованно (конкуренция спермы) конкурируют друг с другом из-за самок⁶¹. Результатом отбора в этом направлении являются большие размеры самцов, более высокая агрессивность по сравнению с самками и большая активность в плане полового поведения и поиска партнеров. Ведущим объектом конкуренции между

самками являются пищевые и другие экологические ресурсы, потому что именно от их наличия зависит выживание плода и успешное выращивание детеныша. В соответствии с парадигмой итоговой приспособленности, женщины в человеческом обществе выбирают партнеров с учетом их социоэкономического статуса, индикаторами которого служат социальное положение, благосостояние, работоспособность, ориентация на достижение успеха в жизни, большие амбиции.

Наличие полового диморфизма у современного человека свидетельствует в пользу предположения о том, что в процессе эволюции гоминид действовали те же факторы отбора индивидов мужского пола, что и у большинства видов обезьян. Вместе с тем более выраженный половой диморфизм у австралопитековых и ранних гоминид по сравнению с человеком современного вида скорее всего указывает на определенную тенденцию изменений в отношениях между полами в направлении от полигинии к сериальной моногамии⁶². При условии, что забота о детеныше со стороны самца оказывается существенным фактором для выживания потомства, именно самки более заинтересованы в продолжительных связях с конкретным самцом⁶³. Это обстоятельство, по всей видимости, определило общую направленность стратегий гендерного поведения в сообществах наших предков. К числу своеобразных адаптаций, физиологических и поведенческих, позволяющих самке «удерживать» самца, относятся скрытая овуляция, рецептивность на протяжении года, готовность к половым контактам вне связи с репродукцией. Этим же целям служит и развитие внешней сексуальной привлекательности у женщин (грудь, бедра), а также комплекс поведенческих характеристик – улыбка, призывный смех, мимика, специфические телодвижения, раскачивающаяся походка.

С эволюцией гендерных стереотипов может быть связано и возникновение ряда кардинальных антропологических характеристик человека, в частности бипедия. Напомним, что до начала 80-х годов в антропологической литературе преобладала гипотеза, согласно которой двуногость возникла как следствие частого употребления орудий и была тесно скоррелирована с увеличением размеров мозга. Находка почти полного скелета самки австралопитека афарского («Люси»), обитавшей более 3 млн лет назад и уже, несомненно, уверенно передвигавшейся на двух ногах, потребовала полного пересмотра этих представлений. Новые гипотезы стали связывать возникновение прямохождения с комплексом социальных причин, прежде всего с изменением взаимоотношений между самцами и самками⁶⁴. На протяжении многих миллионов лет двуногая локомоция, конкуренция между самцами и избирательность самки могли эволюционировать в тесной взаимосвязи⁶⁵. В сообществах шимпанзе самцы, особенно высокоранговые, более мобильны, чем самки⁶⁶. Обнаружено также, что в современном индустриальном обществе высокая скорость ходьбы положительно связана с социоэкономическим статусом у мужчин, для женщин такая зависимость отсутствует⁶⁷. Показательно, что во всех исследованных нами группах детей мальчик-лидер описывался сверстниками не только как самый сильный, но и как самый быстрый, а для высокоранговых девочек этот критерий значения не имел. Если допустить, что скорость передвижения является производным демонстрации угрозы в выпрямленном положении тела, а привычка к быстрой ходьбе у мужчин – средством для демонстрации высокого энергетического потенциала и успешности в добывании ресурсов, то быстрая ходьба может служить надежным индикатором, позволяющим со стороны определить высокий социальный статус владельца и его хорошие перспективы в достижении успехов, будь то в охоте или в бизнесе⁶⁸.

Разделение труда по половому признаку имеет очень древние корни. Со всей очевидностью можно сказать, что у высших человекообразных, в частности у шимпанзе, именно самцы чаще и успешнее занимаются охотой, а самки – собирательством⁶⁹. Большая конформность, типичная для мужчин, ориентация на взаимную поддержку по принципу свои – чужие, приятельские отношения, формирующиеся вокруг временных общих интересов, – все эти свойства могли сформироваться на протяжении длительного периода человеческой эволюции, когда охота и защита организовывались

преимущественно большими мужскими коллективами, а выживание человека как вида непосредственно зависело от умения мужчин преодолевать мотивации конкуренции и кооперироваться в пределах таких временных мужских коллективов.

В заключение следует сказать, что расхождение в выводах этологов и социобиологов, с одной стороны, психологов и культурных антропологов – с другой – по вопросам о природе гендерных различий прежде всего связаны с подходами и методическими возможностями этих наук. Сейчас становится понятным, что в результатах, полученных с помощью традиционных психологических методик (например, в оценке связи между агрессией, измеренной в экспериментальных, а не естественных условиях, между популярностью и дружескими отношениями, вычисленными на основании социометрических матриц)⁷⁰, не был учтен целый ряд очевидных факторов и не были приняты во внимание показатели, напрямую связанные с биологической природой ребенка. Этологи сразу же заметили, что в раннем возрасте чрезвычайно важно учитывать социальные взаимодействия не только со сверстниками, но и со взрослыми⁷¹. Ребенок ведет себя исключительно избирательно по отношению к разным партнерам, а агрессия зависит от пола не только активного партнера, но и объекта агрессии⁷². Социобиологи обнаружили массу параллелей в основополагающих стереотипах мужского и женского поведения человека и других приматов. Без анализа комплексных взаимодействий между генетической, нейрофизиологической и эндокринной системами, с одной стороны, и способами индивидуального выражения поведения на всех уровнях сложности (уровень индивидуальных взаимодействий, межличностных взаимоотношений, уровень социальной организации) – с другой, объективное понимание феномена гендерных ролей в человеческих культурах останется весьма односторонним, ограниченным и очень далеким от реальности⁷³.

Половые различия в поведении с равным правом могут рассматриваться и как производные человеческой природы, и как продукт культуры; то и другое отражает различные условия и требования, которые влияют на репродуктивный успех мужчин и женщин на протяжении истории человечества. Половые различия реализуются в гораздо более грубом приближении, чем можно было бы ожидать с позиций теории «полоролевой социализации». Гендерные стереотипы отражают восприятие реальных личностных различий между мужчиной и женщиной, основанных в первую очередь на врожденных различиях между полами⁷⁴. Социокультурные объяснения процессов гендерной стереотипизации должны с необходимостью учитывать фактор генетической детерминированности отдельных свойств психики мужчин и женщин. Стабильность гендерных стереотипов и самооценки как отражение универсальной эволюционной адаптации может быть предложена в качестве одной из важнейших парадигм развития личности и социальной структуры.

Выводы

1. Формирование стереотипов мужского и женского социального поведения – это сложный многоступенчатый процесс взаимодействия социокультурных и биологических факторов. Теория полового отбора в современном ее прочтении может существенно углубить наше понимание сущности гендерных стереотипов.

2. Гендерные стереотипы характеризуются универсальной направленностью и могут рассматриваться как результат длительного отбора в процессе эволюции человека.

3. Гендерные стереотипы консервативны и не обнаруживают тенденции к быстрой изменчивости под влиянием культурных перестроек. Несмотря на общую тенденцию к феминизации мужского поведения в современном обществе и на воспитание в духе отсутствия половых различий в социальном поведении, полоролевая дифференциация поведения у детей не снизилась.

4. Детская культура может рассматриваться как мощная независимая от мира взрослых сила, формирующая стереотипы поведения детей по своим законам и правилам в конкретный чувствительный период онтогенеза. Начилие этой силы и ее

консерватизм должны были стимулироваться и поддерживаться отбором. Устойчивость гендерных стереотипов на подсознательном уровне, несмотря на смену половых ролей в обществе, может быть связана с консерватизмом детской культуры.

Примечания

¹Wright R. The moral animal. N.Y., 1994; Elworthy C. Darwinian psychology: the appropriate disciplinary link between evolutionary theory and the social sciences // The Darwinian Heritage and Sociobiology. Cambridge, 1995. P. 14–16; Hinde R.A. A biologist looks at anthropology // Man. 1990. N. 26. P. 583–608; Ingold T. Anthropologist looks at biology // Man. 1990. N. 25. P. 208–229; Ingold T. Technology, language, intelligence: A reconsideration of basic concepts // Tools, language and cognition in human evolution. Cambridge, 1993. P. 449–472.

²Hinde R.A. Op. cit.

³Hinde R.A., Stivenson-Hinde J. Constraints on learning: limitations and predispositions. L., 1973.

⁴Lueptow L.B., Garovich L., Lueptow M.B. The Persistence of gender Stereotypes in the Face of Changing Sex Roles: Evidence Contrary to the Sociocultural Model // Ethology and Sociobiology. 1995. V. 16. P. 509–530.

⁵Hoffman C., Hurst N. Gender stereotypes: perception or rationalization? // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V. 81. P. 197–208.

⁶Maccoby E.E., Jacklin C.N. The Psychology of Sex Differences. Stanford, 1974.

⁷Brown D.E. Human Universals. Philadelphia, 1991.

⁸Williams J.E., Best D.L. Measuring Sex Stereotypes: A Thirty-Nation Study. Beverly Hills, 1982.

⁹Lueptow L.B., Garovich L. Op. cit.

¹⁰Gur R.C., Gur R.E., Obrist W.D., Hungerbuhler J.P., Younkin D. Sex and handedness differences in cerebral blood flow during rest and cognitive activity // Science. 1982. V. 217. P. 659–661.

¹¹McGlone J. Sex differences in human brain asymmetry: a critical survey // The Behavioral and Brain Sciences. 1980. N. 3. P. 215–263.

¹²Money J.W., Ehrhardt A.A. Man and woman, boy and girl. Baltimore, 1972.

¹³Durden-Smith J., Desimone D. Sex and the Brain. N.Y., 1983.

¹⁴Ellis L. Evidence of neuroandrogenic etiology of sex roles from a combined analysis of human, nonhuman primate and non-primate mammalian studies // Personal and Individual Differences. 1986. N. 7. P. 519–552.

¹⁵Eibl-Eibesfeldt I. Human Ethology. N.Y., 1989.

¹⁶Ibid.

¹⁷Feldman J., Brody N., Miller S. Sex differences in non-elicited neonatal behaviours // Merrill-Palmer Quarterly. 1980. V. 26. P. 63–73.

¹⁸Hinde R.A., Tamplin A., Barrett J. Gender differences in the correlates of preschoolers' behaviour // Sex Roles. 1993. N. 28. P. 1–16.

¹⁹Hinde R.A. Op. cit.

²⁰Fishbein H.S., Lawrence L. The Psychology of infancy and Childhood: Evolutionary and Crosscultural perspectives. Erlsbaum, 1984.

²¹Fishbein H.S., Lawrence L. Ibid.

²²Lever J. Sex differences in the games children play // Social Problems. 1976. V. 23. P. 478–487.

²³Barret D.E. A naturalistic study of sex differences in children's aggression // Merril-Palmer Quarterly. 1979. V. 25. P. 193–204; Blurton-Jones N. Ethological Studies of Child Behaviour. Cambridge, 1972; Whiting J.W., Edwards C.P. A cross-cultural analysis of the behaviour of children aged 3–11 // Journal of Social Psychology. 1973. V. 91. P. 171–188.

²⁴Maccoby E.E. Social groupings in childhood, their relationship to prosocial and antisocial behavior in boys and girls // Development of antisocial and prosocial behavior. Research, theories and issues. Orlando, 1986. P. 263–384.

²⁵McGrew W.C. An ethological Study of Children's behavior. N.Y., 1972; Rohner R.P. Sex differences in aggression: Phylogenetic and enculturation perspective // Ethos. 1976. N. 4. P. 57–72.

²⁶Polkki P. Self-concept and social skills of school beginners // Jyvaskyla Studies in Education, Psychology and Social Research. Jyvaskyla, 1990. V. 76. P. 1–100.

²⁷Tieger T. On the ethological basis of sex differences in aggression // Child development. 1980. V. 51. P. 943–963.

²⁸Attili G., Boggi P.C. Aggression and social skills in children's relationships: sex differences // Aggression: Functions and Causes. Madrid, 1985. P. 133–151.

²⁹Butovskaya M.L., Kozintsev A.G. Sexual dimorphism and the evolution of gender stereotypes in man: A sociobiological perspective // The Darwinian Heritage and Sociobiology. Abstracts of 18th Meeting of European Sociobiological Society. Cambridge, 1995. P. 9–10.

³⁰Szrzesny H. Die Spiele der !Ko-Buschleute. Monographien zur Humanethologie. V. 2. Munchen, 1976.

³¹Fishbein H.S., Lawrence L. Op. cit.

³²Lever J. Op. cit.

³³Barry H., Bacon M.K., Child I.L. A cross-cultural survey of some sex differences in socialization // Journal Abnormmal Social Psychology. 1957. V. 55. P. 327–332.

- ³⁴Eibl-Eibesfeldt I. Op. cit.
- ³⁵Blurton-Jones N.G., Konner M.J. Sex differences in behaviour of London and Bushman children // Comparative Ecology and Behaviour of Primates. L., 1973. P. 689–750; Draper P. The learning environment for aggression and anti-social behavior among the !Kung // Learning Non-Aggression. N.Y.: Oxford, 1978. P. 31–53.
- ³⁶Polkki P. Op. cit.
- ³⁷Maccoby J., Jacklin C.N. Op. cit.
- ³⁸Henshall C., McGuire J. Gender Development // Children of Social Worlds. Cambridge, 1986.
- ³⁹James A. Childhood Identities. Cambridge, 1993.
- ⁴⁰Spiro M.E. Gender and Culture: Kibbutz Women Revisited. Durham, North California, 1979; Tiger L., Shepher J. Women in Kibbutz. N.Y., 1975.
- ⁴¹Spiro M.E. Op. cit.
- ⁴²Eibl-Eibesfeldt I. Op. cit.
- ⁴³Бутовская М.Л., Плюснин Ю.М. Принципы организации пространственного поведения у человека и высших приматов (сравнительный анализ) // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 91–143.
- ⁴⁴Щепанская Т.Б. Женщина, группа, символ (на материалах молодежной субкультуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 17–28.
- ⁴⁵Бутовская М.Л., Плюснин Ю.М. Указ. раб.
- ⁴⁶Щепанская Т.Б. Указ. раб. С. 20.
- ⁴⁷Benthall J. A late developer. The ethnography of children // Anthropology Today. 1992. V. 8. P. 201–214; James A. Op. cit.
- ⁴⁸James A. Ibid.
- ⁴⁹Erskine H. The polls: women's role // Public Opinion Quarterly. V. 35. 1971. P. 275–290.
- ⁵⁰Davis J.A., Smith T.W. General Social Surveys, 1972–1991: Cumulative Codebook. Chicago, 1991.
- ⁵¹Hinde R.A. Op. cit.
- ⁵²Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества. М., 1993.
- ⁵³Nakamachi M. Sex differences in social development during the first 4 years in a free-ranging group of Japanese monkeys. *Macaaca fasciata* // Animal Behaviour. 1989. V. 38. P. 737–748.
- ⁵⁴Eagly A.H. The science and politics of comparing women and men // American Psychologist. V. 50. 1995. P. 145–158.
- ⁵⁵Falger V.S.E. Evolution and Politics. Groningen, 1994.
- ⁵⁶Waal F.B.M. de. Sex differences in the Formation of coalitions among chimpanzees // Ethology and Sociobiology. 1984. V. 5. P. 239–255.
- ⁵⁷Бутовская М.Л., Козинцев А.Г. Половой диморфизм в социальном поведении бурых макаков (в связи с эволюцией поведения гоминид) // Женщина в аспекте физической антропологии. М., 1994. С. 102–109.
- ⁵⁸Lorenz K. Der Kumpan in der Umwelt des Vogels // Journal fur Ornithologie. 1935. V. 83. P. 137–413.
- ⁵⁹Гудолл Д. Шимпанзе в природе: поведение. М., 1992; Eibl-Eibesfeldt I. Op. cit.
- ⁶⁰Trivers R. Parental investment and sexual selection // Sexual selection and the descent of man. Chicago, 1972. P. 136–179.
- ⁶¹Buss D.M. Sex differences in human mate preferences: evolutionary hypotheses tested in 37 cultures // Behavioral and Brain Sciences. 1989. V. 12. P. 1–49; Buss D.M., Schmitt D.P. Sexual strategies theory: an evolutionary perspective on human mating // Psychological Review. 1993. V. 100. P. 204–232; Perusse D. Cultural and reproductive success in industrial societies: testing the relationship at the proximate levels // Behavioral and Brain Sciences. 1993. V. 16. P. 267–322.
- ⁶²Trivers R. Social Evolution. Menlo Park, 1985.
- ⁶³Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. Указ. раб.
- ⁶⁴Wright R. Op. cit.
- ⁶⁵Lovejoy C.O. Hominid Origins: the Role of Bipedalism // American Journal of Physical Anthropology. 1980. V. 52. P. 250–258.
- ⁶⁶Jablonski N.G., Chaplin G. Origin of habitual terrestrial bipedalism in the ancestor of the Hominidae // Journal of Human Evolution. 1993. V. 24. P. 259–280.
- ⁶⁷Гудолл Д. Указ. раб.
- ⁶⁸Schmitt A., Atzwanger K. Walking Fast – Ranking High: A sociobiological Perspective on Pace // Ethology and Sociobiology. 1995. V. 16. P. 451–462.
- ⁶⁹Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. Указ. раб.
- ⁷⁰Asher S.R., Renshaw P.D. Children without friends: social knowledge and social skill training // The development of children's friendships. Cambridge, 1981; Dodge K.A. Behavioural antecedents of peer social status // Child Development. 1983. V. 54. P. 1386–1399.
- ⁷¹Attili G., Hold B., Schleidt M. Relationships among peers in kindergarden: a cross-cultural study // Current perspectives in primate social dynamics. 1982.
- ⁷²Smith P.K., Green M. Aggressive behaviour in English nurseries and play groups: sex differences and response of adults // Child Development. 1975. V. 46. P. 211–214.

⁷³Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. Указ. раб.; Hinde R.A. Individuals, relationships and culture. Cambridge, 1988; Crook J.H. Socioecological paradigms, evolution and history: perspectives for the 1990s // Comparative socioecology: The behavioural ecology of humans and other mammals. Oxford, 1989. P. 1–35.

⁷⁴Lueptow L.B., Garovich L., Lueptow M.B. Op. cit.

M.L. Butovskaya. Shaping Gender Stereotypes of Children: Sociocultural and Sociobiological Paradigm – Dialog or New Opposition?

The theory of sexual selection could play the positive role in the understanding of the gender stereotypes. They can be approached as a result of selection in the process of human evolution. Children's culture forms the individual's behavioural stereotypes by its own laws in each exact period of ontogenesis.

© 1997 г., ЭО, № 4

А.И. Козлов, Д.В. Лисицын

ГИПОЛАКТАЗИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУППАХ СААМОВ*

Различия в реакции организма на употребление цельного молока активно изучаются врачами и антропологами. Все здоровые дети до 3–5 лет обладают высокой активностью пищеварительного фермента лактазы, расщепляющего содержащийся в молоке дисахарид лактозу¹. Молоко коров содержит от 4 до 5% лактозы, молоко человека – около 7%². Лактоза обеспечивает около 30% калорийной ценности молока.

С возрастом происходит изменение активности фермента, обусловленное действием гена ЛАС**R* (lactase restriction)³. Это явление, называемое первичной гиполактазией, встречается в разных этнических группах с различной частотой. Между 10 и 18 годами окончательно формируется присущий каждому человеку уровень активности лактазы, который сохраняется в последующие годы. Некоторые люди, будучи гомозиготными по рецессивному аллелю ЛАС**R* (lactase persistence), сохраняют высокую активность лактазы на протяжении всей жизни⁴.

Существует несколько объяснений эволюционного успеха аллеля ЛАС**P*. Основные гипотезы учитывают взаимодействие факторов биологической эволюции гена ЛАС**P* и культуральной эволюции "молочного поведения" в различных популяциях⁵ и связанных с этим аутокаталитических процессов⁶. Следует учитывать специфическое преимущество молочного питания старших детей и взрослых в природных условиях Севера вследствие своеобразной "замены" лактозой витамина *D*⁷. Важным фактором эволюции признака служит также процесс смешения популяций, имеющих древние традиции молочного животноводства (и соответственно высокий процент носителей аллеля ЛАС**P*), и тех популяций, в рационах которых молочные продукты появились сравнительно недавно⁸.

Саамы занимают особое место среди финно-угров по антропологическим характеристикам. Своеобразны и во многом уникальны на фоне других финно-угорских народов и их культурные традиции. В частности, в особый тип выделяется оленеводство саамов, отличающееся от других в числе прочего наличием молочного хозяйства⁹.

Казалось бы, традиция использования оленьего молока должна была привести к возрастанию в популяции саамов числа носителей аллеля ЛАС**P*. Однако проведенные

* Исследование проведено при поддержке фонда Джона Д. Мак-Артура и Кэтрин Т. Мак-Артур и Международного научного фонда.